

КОНФЛИКТЫ, СВЯЗАННЫЕ С РАНЕНИЯМИ И СПОСОБЫ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ В ТРАДИЦИОННОМ ОСЕТИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ.

Дауева Т.Т.¹

¹ФГУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-Алания, Владикавказ, Россия (362040, г. Владикавказ, пр. Мира 10); e-mail: tdaueva@mail.ru

---

Статья посвящена исследованию миротворческих практик в осетинском традиционном обществе. На материалах архивных документов и опубликованных источников рассматриваются конфликты, приводящие к ранениям и увечьям. Осетинское право выделяло несколько категорий ранений: ранения лица, раны без повреждения костей и раны тяжелые и легкие. Третейские судьи обращали внимание на степень вреда и убытка, не принимая во внимание преступность самого действия. Основным требованием при разрешении конфликта оставалась обязательная материальная компенсация пострадавшей стороне и примирение на этой основе. Помимо материальной компенсации, разрешением конфликта служило нанесение ран, равных по тяжести совершенных. Данный способ применялся ввиду отсутствия средств для удовлетворения обиженной стороны. Важную миротворческую роль в конфликте играла сельская община, которая требовала от виновной стороны компенсации, а от потерпевшей стороны – согласие на примирение. Основная задача посредников заключалась в примирении двух фамилий и приостановление развития конфликта, который мог перерасти в убийство.

Ключевые слова и фразы: ранение, конфликт, адаты, обычное право, посредничество, миротворческая практика.

CONFLICTS CONNECTED WITH INJURIES AND WAYS OF THEIR RESOLUTIONS IN THE OSSETIAN TRADITIONAL SOCIETY

Daueva T.T.¹

¹Federal State Institution of Science "North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Researches after V. Abaev" Science Center of Vladikavkaz of the Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Russia (362040, the Republic North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Mira avenue, 10); e-mail: tdaueva@mail.ru

---

The article deals with the research of peacemaking practices in the Ossetian traditional society. Conflicts, bringing about woundings and injuries are considered on the material of the archival and published documents. Ossetian law marked out some categories of wounds: wounding of the face, wounds without injury of bones and heavy and slight wounds. The arbitrators paid attention to the degree of injury and damage and do not take into account the crime itself. The main demand for the resolution of the conflict remained the obligatory indemnity to the victim and the reconciliation on this basis. In addition to financial indemnity, wounding with equal gravity was the resolution of the conflict. This method was applied due to the lack of funds to satisfy the insulted party. The rural community played the important peacemaking role in the conflict resolution, which demanded the indemnity from guilty party and consent to reconciliation from insulted party. The main task of the mediators was reconciliation of two families and the suspension of the development of the conflict that could transmit into murder.

Key words and phrases: wounding, conflict, adats, customary law, mediation, peacemaking practice.

Введение

Ранение человека, также как и убийство, воспринималось осетинским традиционным обществом как тяжелое оскорбление, нанесенное всей фамилии раненного. Если представители сельского общества вовремя не вмешивались, то конфликт по поранению имел тенденцию перерасти в убийство. Преступление это усугублялось еще и тем, что каждый осетин носил при себе оружие, которое являлось неотъемлемой частью традиционного мужского костюма.

Все конфликты между разными фамилиями разбирались третейским судом. Конфликты между родственниками разбирались родовым старшиною, жену и детей судил муж и отец. Третейское разбирательство выступало в тех случаях, в которых стороны добровольно отказывались от принадлежащего им по обычаю самосуда [3, с.267]. Судебное дело начиналось по просьбе обиженного. Потерпевший приходил к старшине и объявлял, что он подает жалобу в суд на такого-то человека за такие-то поступки или совершенное против него. Старшина, в свою очередь, объявлял это обвиняемому. После получения старшиной соглашения с обеих сторон о том, что они разберутся в сельском суде, он предупреждал членов суда об этом. Судьи брали у спорящих сторон согласие и приступали к разбору дела. В статьях, посвященных судопроизводству, сказано, что выбранные в судьи старики до начала рассмотрения дела, спрашивают у тяжущихся: «останутся ли они довольны тем разбирательством и решением дела, какое ими будет сделано». Срок полномочия третейского суда продолжался до окончания разбираемого дела. После этого суд механически распадался. Третейский суд посредников создавался спорящими сторонами. Членами суда избирались старики аула, хорошо знавшие обычное право народа и зарекомендовавшие себя своей честностью, справедливостью и неподкупностью. Они должны были быть незаинтересованными в конфликте между сторонами и беспристрастными по отношению к одной из сторон. Это требовалось для того, чтобы не допустить несправедливость во время разбора дела и принятия постановления. В противном случае это могло вызвать кровомщение со стороны недовольных решением суда. Ответчик, в свою очередь, через посредников объявлял свое решение. После таких предварительных переговоров, если стороны приходили к единогласию о том, что они будут судиться в третейском суде, то приступали к согласованию состава суда. Каждая сторона называла своих кандидатов в члены суда. Если сторона не была согласна с кандидатами другой стороны, то об этом она ставила в известность противоположную сторону. Иногда этот процесс длился долго, пока стороны окончательно не выбирали и утверждали будущих членов суда. Состав и полномочия суда не были постоянными. Они выбирались в каждом отдельном случае, при этом только самими тяжущимися: «тяжущиеся стороны выбирали

каждая своих посредников в неравном числе – обиженная сторона имела всегда одним посредником больше против обидевшей, ответчик – одним меньше против истца» [3, с.270]. Количество судей могло быть от трех до девяти, но в большинстве случаев суд состоял из 5 – 7 человек. До избрания суда дело проходило сложный этап предварительной подготовки. Каждая сторона выбирала из посторонних людей посредников в количестве от одного до пяти, смотря по важности дела. В обязанность посредников входило вести переговоры между сторонами, передавать предложения истца ответчику и наоборот. Освещая обычно - правовые отношения и практику судопроизводства у осетин В. Пфаф так характеризовал третейство: «осетинские судьи вникают во все подробности дела, и выяснив все факты, стараются определить величину нанесенного истцом или обиженным убытка и ищут способа для легчайшего восстановления нарушенных юридических отношений» [9, с. 219].

Суд прежде всего торжественным обещанием обязывал обе стороны в том, что они подчиняться его приговору, для чего с каждой стороны должны быть представлены по 3 поручителя. Потом суд вбивал в землю шест – символический знак, что стороны строго должны держаться договора и при том произносит проклятие над тем, кто уклонится. До провозглашения приговора, судьи требуют от обеих сторон, чтобы они сделали зарубки на липовой палке. Это символический знак покорности [5, с. 270].

Если преступление не являлось очевидным фактом, не требовавшим доказательства, то в установлении истины - является ли привлекаемое к суду лицо виновным или нет – решающее место принадлежало присяге – клятве, произносимой публично этим же лицом или истцом. Под присягой он должен был клятвой торжественной отрицать проявление своего деяния в взводимом на него преступлении. Юридические последствия присяги — ард'а — зависели от того, принята ли она ответчиком с его присяжниками и свидетелями, или не принята, так как они могли принять ее или не принять. Принятие присяги ответчиком с его присяжниками, если они назначались ему, оправдывало его по суду; равно, как принятие присяги доказчиком с его присяжниками и свидетелем, в доказательство справедливости их улик и показаний против обвиняемого, окончательно осуждало этого последнего: он должен был уже удовлетворить потерпевшего в том размере, какой будет указан судом в его приговоре. Непринятие присяги ответчиком, или обвиняемым, с его присяжниками влекло за собою безусловную обязанность последнего удовлетворить потерпевшего [3, с. 270].

Осетинские судьи применяли и другие санкции для принуждения сторон к исполнению приговора, например, приведение к новой присяге ответчика, что он безусловно подчиняется приговору, выплатит определенную судебным решением сумму истцу. Другим

таким способом являлось, когда судьями «пред самым началом судебного разбирательства у сторон отбиралось оружие и возвращалось затем не раньше, как после клятвенного обещания исполнить приговор» [5, с. 253]. Неисполнение приговора суда, нарушение присяги, неподчинение «закону стражи» влекли за собой восстановление всего общества против нарушителя – ответчика, изгнание его из общины, что означало уже высшую меру наказания. Вполне понятно, что этих мер, хотя и крайних, было достаточно, чтобы обеспечить исполнение приговора. В качестве судьи теперь выступала вся община в лице ее собрания – нихас. Поэтому, зная, что ждет ослушника, приговоренное общинным судом лицо вынуждено было подчиниться его решению. Основной функцией осетинского суда являлось третейское разбирательство дела, посредничество между враждовавшими сторонами, примирение кровников, а вместе с этим и установление размеров компенсации за причиненный ущерб, особенно в делах кровных, где месть все чаще уступала место материальному возмещению крови [5, с. 258].

При примирении враждующих фамилий общей характеристикой для описания процедуры служит то, что все они требуют производства виновным компенсаций в пользу самого обиженного или его родственников. Платеж производился скотом, рабами, землей, оружием, медною посудой и деньгами [5, с. 136]. Размер выкупа зависел от характера преступления и сословия к которому принадлежали виновный и потерпевший.

При ранениях преступность самого действия не принималась во внимание и не преследовалась; оценивалась только степень вреда и убытка, причиненного раненому.

За простую неопасную рану, нанесенную уколом кинжала в менее нежные части тела, давали молодого бычка; за более тяжелые раны без повреждения костей уже взрослого быка или 30 рублей на долю преступника приходились также и расходы на лечение [1, с. 119]. По выздоровлении раненого, преступник, если они оба были одного и того же сословия, должен был приготовить угощение. Расходы за лечение оплачивал виновный.

Осетинское право выделяло следующие категории поранений: во 1-х - ранения лица, как оставляющие видимый след и ранения прочих частей тела, во 2-х - раны без повреждения костей и раны с повреждением; и в 3-х - раны тяжкие и легкие, причем чертою различия считается то, пошла ли кровь ручьем или нет. В некоторых местах судьи вымеряли длину раны пшеничными зернами и таким образом судили о глубине раны, нанесенном уколом, и об ее опасности. О ране говорили: она имеет в длину 10, 12 и т. д. зерен ячменя. М.М. Ковалевский указывал, что за каждое зерно в длину обидчик обязан был отдать корову, но

далее 12 коров взыскание не шло [3, с.139]. В сборнике адатов 1836 года указано, что за раны, в зависимости от важности, взыскивалось от 1 барана до 18 коров [4, с. 4].

Осетинское право регулировало размер платежей в случаях отсечения отдельных пальцев руки. По данным архивного материала, если пострадавший лишится большого пальца, то причинивший ему вред, отдает ему 5 коров, указательного - 4 коровы, среднего пальца - 3 коровы, безымянного - 2 коровы, мизинца - 1 корову. При лишении носа или руки штраф достигал до 25 коров. Данная плата была распространена в обществах Тагаурии и Куртатии. Что касается Дигорского общества, то плата была следующая: за отрубленный мизинец - 10 рублей, за второй палец безымянный - 20 рублей, за третий палец - 30 рублей, за 3 пальца - 60 рублей, за кисть руки - 60 рублей, за 1 глаз - 100 рублей [8, д.11, п.67].

Отсечение уха воспринималось традиционным обществом как оскорбление и приносило раненому неизгладимый стыд на всю жизнь. В статье 117 сборника адатов 1844 года указано: «за нанесенную рану платится смотря по ее опасности. У осетин платится за отрубленную руку, ногу, нос, ухо и за выколотый глаз половину того, что платилось бы за убийство. За нанесенную рану в лицо платится от 10 до 25 коров, за нанесенную рану на другой части тела от 5 до 25 коров» [4, с. 29].

Если последствием раны была смерть, виновный отвечал как за убийство: «если кто умрет от раны, платится столько же, сколько и за убийство» [4, с. 4].

К увечьям, как виду тяжких преступлений, осетинские обычаи относили кастрацию, отсечение руки, ноги, носа, уха и т.д. Все эти действия наказывались одинаково - половиной платы за убийство. Граница, отделяющая ранения от увечий, проводилась осетинскими обычаями далеко не строго. Раню признавалось только такое пролитие крови, которое не было связано с потерей жизни, даже на расстоянии некоторого промежутка, но поранения, сопровождающиеся повреждением головы, руки или ноги, приравнивались к увечьям и наказывались как за убийство. «За руки, глаза и ноги платится столько же, как и за убийство, то есть от 18 до 36 коров» [4, с. 4].

После осмотра ран лекарем и представителями сельского общества при взаимном поранении сравнивалась важность обеих ран; если одному из них было нанесено ран больше, нежели другому, то стороны удовлетворяли друг друга за каждую рану отдельно: давали положенное на улучшение содержания, по излечении платили лекарю за каждую рану и при примирении делал угощение противной стороне тот, кто был виновен в разжигании конфликта [5, д.109, л.240]. Если раненых было по несколько человек с каждой стороны, то сравнивались раны тех и других, и отвечала уже та сторона, которая нанесла больше ран и

серьезнее; но при этом она отвечала только за те раны или за то свойство ран, которые оставались за вычетом полученных самими ответчиками.

Основным требованием при разрешении конфликта оставалась обязательная материальная компенсация пострадавшей стороне и примирение на этой основе.

Предписана была следующая форма разрешения конфликта по ранениям. Ранивший скрывался до тех пор, пока не вылечится раненый. Появление ранившего в обществе расценивалось как вызов фамилии раненого и пренебрежительное отношение к самому раненому.

Виновный был обязан нести следующие расходы: посылал больному гостинцев, платил лекарю за визиты и лечение, и раненому за раны. Обычно раненому давали «мыло, меда, пшеницы, 2 баранов, для улучшения содержания больного» [5, д.109, л.233]. По выздоровлении раненого виновный платил лекарю, а затем готовил угощение для примирения с раненым и угощал его с родственниками.

Родственники раненого отказывались мириться, до тех пор, пока не заживали нанесенные ран: «что мириться, когда еще кровь с раны сочится» [7, д. 282, л. 200]. В таком случае за поссорившимися следили, чтобы между ними не возникли новые ссоры. Но как только раненый поправлялся, между двумя семьями возникали переговоры через посредников. Раненый выставлял трех посредников, ранивший - двух. Договаривались, что обе стороны помирятся на тех условиях, какие выставят эти 5 посредников. После договоренности раненый и тот, кто его ранил, подавали друг другу руки [2, с.74]. Посредники собирались в доме того, кто ранил, для определения, какой убыток потерпел раненый в результате ранения. Далее выясняли и то, по какой причине произошла ссора, и степень виновности каждого. Первое слово предоставлялось старшему из посредников, а затем следующим по старшинству. Выслушав друг друга, и взвешивая все обстоятельства дела, посредники выносили свое решение. Также обращалось внимание на то, делало ли поранение человека неспособным к работе. Придавали особенное значение также числу ран и повреждению костей [9, с.272-273]. Во многих местах, как например, в Дигории, дошли до точной нормы выкупа за поранение. За неопасную рану, нанесенную уколом кинжала в менее нежные части тела, давали молодого бычка; за более тяжелые раны без повреждения костей уже взрослого быка или 30 рублей, а также расходы на лечение [8, д.11, п.67].

Раны в те времена лечили знахарки народными лекарствами, которые готовили из трав. Знахарю на лечение раненого платил тот же, кто ранил. За лечение раны длиной в длину ячменного зерна знахарю платили 1 корову. Таким образом, за лечение причиненной

раны приходилось платить также много. Не всякий мог внести большую плату и за причиненное повреждение и за его лечение, поэтому многие оставались не помирившимися.

Помимо материального удовлетворения потерпевшей стороне, разрешением конфликта по ранениям служило нанесение ранения, равное по тяжести совершенному противоправному деянию. Но при этом, необходимо было причинить поранение в той же мере, и никак не больше, чем это совершил виновный. Однако это не всегда было возможно, и поэтому в большинстве случаев конфликт по ранениям разрешался удовлетворением потерпевшего материальной компенсацией.

Функциями любого способа разрешения конфликта было миротворчество: избегание кровной мести, обязательное справедливое наказание виновного, а также сохранение общественного порядка. Главной целью, которую преследовали посредники, было примирение двух фамилий и недопущение дальнейшего развития конфликта, которое могло привести к кровомщению.

Список литературы

1. Гутнов Ф.Х. Древние обряды Дигорского общества. 1844 г.// Известия СОИГСИ. — 2013. — 9 (48).— С. 118 -128.
2. Канукова З.В. Этнография осетинского пореформенного села. — Владикавказ. 1992. —115 с.
3. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. М., 1886. Т.2. 410 с. Репринтное воспроизведение. Владикавказ: Алания, 1995. — 410 с.
4. Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. — Одесса. 1883. —Вып. II. —317 с.
5. Магомедов А.Х. Общественный строй и быт осетин XVII-XIX вв.). Орджоникидзе: Ир, 1974. —363 с.
6. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева. (НА СОИГСИ) Ф. 4. Оп. 1.
7. НА СОИГСИ. Ф. 33. Оп 1.
8. НА СОИГСИ. Ф. Фольклор. Оп 1.
9. Пфаф В.Б. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе (ССК). — Тифлис, —1872. —Т. II. — С. 258-325.

Рецензенты:

1. Гутнов Феликс Хазмурзаевич д.и.н., зав. отделом источниковедения ФГБУН Северо - Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ.
2. Канукова Залина Владимировна, д.и.н., профессор ФГБУН Северо - Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г.Владикавказ.